

Священник и революция: образ религиозно-политического лидера в восприятии оппозиционной общественности в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Фёдор Гайда

The priest and the Revolution:
the image of a religious and political leader in the perception
of the opposition public during the First Russian Revolution of 1905–1907

Fyodor Gayda

(*St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X25020222, EDN: ECZQZO

Бурные события 1905–1907 гг. зачастую воспринимались в российском обществе как проявление давнего духовного кризиса. Ещё в конце XIX в. сформировалось представление о том, что вывести из него страну должна интеллигенция¹. В начале революции убеждённость в этом только усиливалась, чему способствовала преимущественно социалистическая направленность общественной мысли того времени, популярность христианского социализма и распространение «нового религиозного сознания»².

Претензии интеллигентии на идеяное и духовное лидерство неизбежно отражались на её отношении к религии и мистическим исканиям Серебряного века. Религиозно-философские собрания 1901–1903 гг., инициированные для сближения общественности с православным духовенством, не достигли своей цели. Активно участвовавшая в них З.Н. Гиппиус 29 марта 1903 г. подвела в дневнике итог: «Вот из кого состоит ныне православная учащая Церковь: из верующих слепо, по-древнему, по-детскому, с детской, подлинной святостью: отец Иоанн Кронштадтский. Ему мы, наши запросы, наша жизнь, *наша* (здесь

© 2025 г. Ф.А. Гайда

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-78-10143 «Категории религиозного лидерства в эпоху модерна: оппозиция личное *из* институциональное и её историко-культурные основания (российский контекст)» (<https://rscf.ru/project/19-78-10143/>), выполняемый в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

¹ Гайда Ф.А. Миссия «интеллигентии» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149; Гайда Ф.А. Интеллигентия и Церковь: вопрос о соотношении идеяного и духовного в лидерстве (конец XIX – начало XX вв.) // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 2(78). С. 92–110.

² Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; Ореханов Г., иерей. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. М., 2002; Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008; Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания...». Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М.; СПб., 2020; Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа 32-х петербургских священников, 1903–1907): документальная история и культурный контекст. М., 2014.

и далее курсивом переданы слова, подчёркнутые или выделенные авторами цитируемых документов. – Ф.Г.) вера – непонятны, ненужны и кажутся проклятыми. Из равнодушных и тупых иерархов-чиновников. Из полулиберальных индифферентистов, милых: [митрополит] Антоний (Вадковский. – Ф.Г.). Из добрых и тихих полубуддистов: отец Сергий (Тихомиров. – Ф.Г.). Из диких и злых аскетов мысли. Из форменных позитивистов, мелочных, самолюбивых и грубых: отец [С.А.] Соллертинский. Из позитивистов-нравственников с честолюбием жёстких: отец Гр[игорий] Петров. Попадаются также блестящие, интересные схоластики умом и нутром – как архиерей Антонин (Грановский. – Ф.Г.), притом, конечно, совершенные еретики, не верующие в подлинность исторического бытия Христа³. Диалог с ними казался писательнице невозможным.

В конце 1904 г. профессор Московского университета, философ и общественный деятель кн. С.Н. Трубецкой писал: «Напомним красноречивые страсти И.С. Аксакова и В. Соловьёва, которые раскрыли с такой силой язвы нашей государственной Церкви с её антиканоническим управлением, отсутствием независимой духовной власти и церковной свободы... И при взгляде на её упадок и запустение, на невежественное, коснеющее духовенство, получающее дикое, безобразное воспитание и не способное ни понимать, ни удовлетворять духовных запросов своей паствы; при виде глубокого отчуждения от Церкви всей образованной части общества и постоянного отпадения религиозных народных масс, влекомых духовной жаждой; при виде всей этой немощи и бессилия, оскудения духа, принижения, деморализации иерархии, порабощения Церкви, что должен чувствовать истинно верующий, православный человек, видящий в Церкви положительную, зиждущую основу не только государственности, но и жизни? Что должен чувствовать верный, искренний ревнитель Церкви, движимый стремлением охранить её от святотатственных посягательств, от оскверненья, распаденья? Сквозь золото риз он видит цепи, сковывающие Церковь, и, как верный сын её, он молится за её освобождение»⁴. При подобном пафосе избавителя ожидали явно не из клира.

Болезненно переживая отчуждённость от общественности, иерей Константин Аггеев (настоятель храма Св. Александра Невского при Александровском институте в Петербурге) 9 ноября 1904 г. сетовал в письме П.П. Кудрявцеву на консерватизм духовенства, уверенного в том, что «наш народ груб, дик, “сброд как животное”, и по отношению к нему возможны лишь меры самой широкой опеки с палкой и розгой». У либерального пастыря возникало ощущение, что «только роковое недоразумение... близит служителей религии света и любви к меньшему брату с этими людьми, из которых не выветрился ещё дух крепостничества»⁵.

Революционный почин: священники Г. Гапон и Г. Петров. В кругах духовенства тогда уже складывался тип пастыря-интеллигента, близкого по своему поведению к общественности. 2 ноября 1904 г. «позитивист-нравственник» священник Григорий Петров, единомышленник о. Аггеева, опубликовал фельетон «Страшный нигилист», прозрачно намекая на обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева⁶. Церковный бунт начался.

³ Гиппиус З.Н. Дневники. 1893–1919 / Сост. Т.Ф. Прокопов // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 8. М., 2016. С. 112.

⁴ Трубецкой С.Н. На рубеже // Трубецкой С.Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1907. С. 477–478.

⁵ Балакшина Ю.В. Братство ревнителей... С. 287–288.

⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь... С. 144–145.

Через два месяца произошло «Кровавое воскресенье», центральной фигурой которого стал священник Георгий Гапон. Подцензурная пресса сразу же начала резкую критику синодального священноначалия, обвиняя его в случившемся⁷. Однако в оппозиционных кругах, оказавшихся главным бенефициаром трагедии, звучали совершенно иные голоса. Безусловно, Гапон не был обычным клириком. В своих мемуарах он (выходец из крестьянской среды) вспоминал, что сперва не хотел идти в пастыри, видя фарисейство окружавшего его с детства духовенства⁸. Характерно, что и служение о. Иоанна Кронштадтского воспринималось им критически⁹. Возглавив общество петербургских рабочих, о. Георгий, по его словам, изначально хотел придать своей организации не зубатовское, а иное, более свободное, направление¹⁰. Поддерживая связи с социалистами, он больше всего симпатизировал либералам и надеялся на то, что революция принесёт в Россию политическую свободу¹¹. Таким образом, Гапон, по сути, являлся оппозиционером-интеллигентом, пусть и в священнической рясе, пока его не лишили сана. Не случайно ему, ставшему на какой-то момент всемирно известным и наиболее знаменитым русским революционером, по-товарищески писали М. Горький и В.И. Ульянов (Ленин)¹². Возникла парадоксальная ситуация: интеллигенция не нуждалась в священнике, но он требовался рабочим, а они, в свою очередь, были необходимы оппозиционной интеллигенции. В результате рабочих на царские штыки повёл интеллигент в священническом облачении.

В начале 1906 г. приват-доцент Петербургской духовной академии А.В. Карташёв утверждал, что Гапон – «человек с темпераментом психопатического оттенка, с каждой авантюризма, не без блесток даровитости, но без достаточного образования, озлобленный и желчный, кровный демократ и убеждённый социалист, хотя и не научного типа, слишком мало общего имеющий с христианством и священством». Однако именно «Гапон своей организаторской деятельностью... показал, какую громадную силу притяжения имеет для религиозной в большинстве народно-рабочей среды церковный авторитет и какою гигантскою решающею силою в сфере социально-экономических затруднений могла бы быть Церковь, если бы она нашла секрет, как деятельно участвовать ей в этих вопросах без противоречия своим принципам. Под впечатлением ярко блеснувшей всем идеи о социальном значении Церкви, общественное мнение и печать засыпали духовенство горькими укоризнами, зачем оно пропустило без внимания столь значительное народное движение или, по крайней мере, не выступило в последнюю минуту с целью предотвратить или смягчить столь неразумно-трагический исход всей истории?»¹³.

Псковский епископ Арсений (Стадницкий) отметил в январе 1905 г. в дневнике: «13-го числа получил из г. Острова телеграмму от благочинного протоиерея Панкова: “Студенты просят отслужить панихиду по убиенным 9-го января. Можно ли?”. Конечно, я ничего не ответил и удивился легкомыс-

⁷ Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания...»... С. 373–374.

⁸ Гапон Г.А. История моей жизни. М., 1990. С. 6.

⁹ Там же. С. 22–23.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 25, 27, 46–48.

¹² Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 5. М., 1999. С. 75–78; Гапон Г.А. Указ. соч. С. 62.

¹³ Карташёв А.В. Русская Церковь в 1905 г. СПб., 1906. С. 2–3.

лию и ехидству протоиерейскому. Разве не мог он сам рассудить, что это — демонстративная панихида!»¹⁴. Иерей К. Аггеев 2 апреля 1905 г. признавался, что его покровительница гр. М.А. Коновницына (начальница Александровской половины Смольного института благородных девиц) «почти требовала, чтобы я прямо-таки без оглядки проклял Гапона и всё рабочее движение, чего я не мог, да и не могу сделать»¹⁵. При этом в феврале того же года он отказывался поддерживать самодержавие, ссылаясь на то, «что священник должен стоять выше политических партий»¹⁶. Так он откликнулся на послание Св. Синода о недопустимости волнений во время войны, разосланное 14 января. В нём архиереи предостерегали рабочих: «Берегитесь ваших ложных советников, под видом радения о ваших нуждах и пользах добивающихся беспорядка, лишающих вас крова и пропитания. Они суть пособники или наемники злого врага, ищущего разорения земли Русской»¹⁷. Однако вскоре в Петербурге по инициативе иеря Г. Петрова возник «Союз ревнителей церковного обновления», известный также как «группа 32-х священников», к которой присоединился и Аггеев. Главным идеологом «Союза» стал мириянин Н.П. Аксаков, ратовавший за восстановление «канонического строя»: независимость Церкви от государства, соборное управление и выборность духовенства. Епископ Арсений (Стадницкий) по этому поводу признавался: «Да, чем больше вникаешь в существование вопроса главного и связанных с ним или вытекающих из него многочисленных других вопросов, прямо жутко становится. Вся беда, что мы, духовенство, отвыкли ориентироваться в подобных вопросах»¹⁸. В ноябре 1905 г. в Москве активизировалась группа «70-ти московских священников», выступавшая против митрополита Владимира (Богоявленского). В 1906—1907 гг. заявили о себе думские священники-депутаты. Появился термин «церковно-освободительное движение». «Союз ревнителей», со второй половины 1905 г. уже конфликтовавший с петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), совместно с кадетской партией создал комиссию для обсуждения церковных дел¹⁹.

В мае 1905 г. брат кн. С.Н. Трубецкого Евгений в своей статье, посвящённой текущим событиям, описывал некий поезд, потерпевший крушение по вине начальства. К счастью, погибли только двое. Первым оказался проводник, под которым подразумевался только что потерпевший поражение в Цусимском проливе флот. «Другая жертва, — писал князь, — ещё типичнее. То был священник, который готовился выйти на соседней станции и потому также находился на площадке вагона. Он раньше других понял, куда влечёт его поезд, пытался выпрыгнуть — и был раздавлен. Он погиб оттого, что возмутился против своего жребия и пытался бороться за своё существование в минуту, когда эта одинокая борьба с бессмысленным механизмом была гибельной»²⁰. Трудно сказать, кто именно имелся при этом в виду — Гапон или Петров²¹. Возможно,

¹⁴ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник / Публ. О.Н. Ефремовой и К.В. Ковырзина. Т. 3. М., 2015. С. 24.

¹⁵ Балакшина Ю.В. Братство ревнителей... С. 306.

¹⁶ Там же. С. 298.

¹⁷ Правительственный вестник. 1905. 16(29) января. № 12. С. 1.

¹⁸ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 3. С. 73.

¹⁹ Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания...»... С. 377–380; Балакшина Ю.В. Братство ревнителей... С. 302, 313.

²⁰ Цит. по: Колеров М.А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. С. 43.

²¹ Размышления об этом см.: Там же. С. 46.

даже — оба «борца». Во всяком случае, тогда Гапон отнюдь не воспринимался оппозиционной общественностью как провокатор, наоборот, считался одним из наиболее яких революционеров²². В этих кругах искали новых «гапонов».

Народный трибунал: «Христианское братство борьбы» и С.Н. Булгаков. Чаще всего духовенство в массе своей по-прежнему воспринималось общественностью как сила враждебная и индифферентная к злободневным проблемам. Восхваляя мужество, проявленное убийцей вел. кн. Сергея Александровича И.П. Каляевым перед лицом смерти, редактор журнала «Освобождение» П.Б. Струве особо отметил: «Священника он принял как человека, а не как духовника»²³. Студент В.В. Зеньковский, мечтавший о духовных принципах будущего мироустройства, писал: «Признавая, что индивидуализм преодолим лишь религиозно, мы вводим в социально-философскую мысль понятие религиозной общественности... Оно преобразует те основы современной социально-философской мысли, которые делают неизбежным конфликт двух активных сил истории. Преобразование это, опирающееся на понятие свободы, возможно лишь на почве религиозного миросозерцания, без которого и весь исторический процесс не может быть понят во всём единстве и в сво[е]й цели»²⁴. Священством такой религии становилась интеллигенция.

Послание Святейшего Синода о беспорядках в Петербурге вызвало возражения со стороны учащейся молодёжи. Студенты Московского университета В.П. Свенцицкий и В.Ф. Эрн, основавшие в феврале 1905 г. «Христианское братство борьбы», призывали духовенство выступить против самодержавия. Свенцицкий, главный идеолог братства, настаивал на том, что «Церковь, которой открыты истины, далеко ещё не осуществлённые жизнью, которая знает, на каких основах должны строиться истинная общественность и политический строй, достойный христианского государства, Церковь должна призывать к реформам, должна с истинным дерзновением обличить весь позор существующего порядка, восстать против безобразного простора для всевозможных злоупотреблений и явиться руководительницей движения, а не тащиться в его последних рядах»²⁵. Напоминая о том, как заступался за восставших свт. Амвросий Медиоланский, Свенцицкий заявлял: «Не боясь никаких гонений, испытавшая гонения римских императоров, чуждая всего житейского, в том смысле, что для неё не важны материальные блага, Церковь должна подавать пример смелой и открытой борьбы против всего, что зиждется не на христианских началах, обличать всё, что для своего беззакония покрывается авторитетом Церкви, она должна явиться проповедницей и проводником в жизнь истинной общественности, основанной на свободе, равенстве и справедливости»²⁶.

Схожим образом рассуждал тогда соратник Свенцицкого — студент Московской духовной академии П.А. Флоренский. 12 марта 1906 г., через несколько дней после казни лейтенанта П.П. Шмидта, он утверждал на проповеди в академической церкви: «В суд, в осуждение — в страшное осуждение бу-

²² Ксенофонтов И.А. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 176–194, 273–274.

²³ П.С. Казнь // Освобождение (Париж). 1905. № 71. 18(31) мая. С. 351. См. также: Журнал «Освобождение» (1902–1905) / Под ред. М.А. Колерова и Ф.А. Гайды. Кн. 3. М., 2021. С. 359.

²⁴ Цит. по: Колеров М.А. Археология русского политического идеализма... С. 270. См. также: Зеньковский В.В. Либерализм и социализм // Народ (Киев). 1906. 2 апреля. № 1. С. 2–3.

²⁵ Свенцицкий В. К вопросу о церковной реформе // Свенцицкий В.П., прот. Собрание сочинений / Сост. С.В. Черткова. Т. 2. М., 2009. С. 5–6.

²⁶ Там же. С. 6–9.

дем принимать мы Св. Тайны Господни, доколе не прекратятся в Церкви злодеяния, доколе члены её, от царя и его помощников до последнего нищего, будут, по нашему попустительству, оставаться не обличёнными»²⁷. Учащиеся Санкт-Петербургской и Московской академий отслужили панихиды по казнённому герою революции. Во избежание открытого бунта священноначалие им не препятствовало, а в Петербурге панихиду даже возглавил ректор епископ Сергий (Тихомиров). Митрополит позднее сделал ему внушение, но никаких иных мер принимать не стал²⁸. Тем не менее в апреле 1906 г. получила распространение студенческая петиция, в которой архиастыри упрекались в отступлении от «правды Христовой»²⁹.

В июле 1906 г., после распуска I Думы, Свенцицкий негодовал: «Представители Церкви собственоручно надели на свободу рабские кандалы. Они отреклись от свободы и не почувствовали, что вместе с тем отреклись от Христа... Мы зовём принять самое деятельное участие в русской революции. Ибо русская революция – это крестовый поход во имя освобождения скованной свободы»³⁰. В мае 1907 г. публицист обратился к духовенству: «Отцы пастыри! Много горькой и жестокой правды приходилось вам слышать за последние годы. Но упрёки мало трогали вас: вы отмахивались от них тем, что они исходят от неверующих людей и направлены не столько против религиозного бессилия, сколько против политической отсталости. Они не воспламеняли вас на подвиг, потому что *обличали*, но не призывали *служить воле Божией*. И вы закрывали свою совесть от справедливых ударов обличений. А те, в ком совесть была глубже, те, которые не могли не чувствовать своей вины, только потому, что на неё указывали люди неверующие, – приходили в бессильное отчаяние и страдали молча. Теперь, в этом письме, вы услышите голос и не безбожника, и не секстанта: он должен дойти до вас, я верю, он не может не тронуть хоть некоторых из вас! Ваша совесть не может не дать ответ на вопрос, который поставлен перед вами: *Что вы сделали с Церковью?*»³¹. Сетуя на глубокий кризис религиозной жизни, Свенцицкий взывал: «Поймите же, почувствуйте всем сердцем вашим весь ужас того, что вы сделали с Церковью, и с пламенным покаянием начните новую жизнь, истинное пастырское служение во славу грядущей возрождённой Церкви и во спасение погибающей России»³². 14 февраля 1908 г. на заседании петербургского Религиозно-философского общества он даже не исключал, что «последний враг Христа – Антихрист выйдет из церковной среды»³³.

Объясняя свою позицию, Свенцицкий отмечал, что «не надел бы рясы», поскольку, хотя «вина *наша*, мирян, громадна, вина *пастырей* велика вдвое», так как «пастырю дана *особая сила, особая власть*, он должен ответ дать за неё не только пред Богом, но и пред людьми». Между тем «духовенство наше именно губит себя, губит жизнь, губит Церковь, оно не понимает, к какому подвигу обязывает современный момент, оно не чувствует, что только мучениче-

²⁷ Флоренский П.А. Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную. Сказано в храме Московской духовной академии, за литургией 12 марта 1873 г. по смерти Иисуса Христа. [М.,] 1906. С. 6.

²⁸ Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания...»... С. 386.

²⁹ Там же. С. 387.

³⁰ [Свенцицкий В.П.] Стойте в свободе! 1906. 9 июля. Вып. 1 // Свенцицкий В.П., прот. Собрание сочинений. Т. 2. С. 276–277.

³¹ [Свенцицкий В.П.] Письма ко всем (Памфлет) // Там же. С. 368–369.

³² Там же. С. 377.

³³ Свенцицкий В.П. Мировое значение аскетического христианства // Там же. С. 505.

ство может создать “церковное обновление”, оно думает, что дело как-то тихо, смироно, “само собой” уладится. А тем временем Тело Господа рвут в клочки и топчут в грязь!»³⁴. Отсюда возникало стремление к возрождению выборности духовенства³⁵. Считалось, что «священнослужители должны выбираться всей Церковью. Они должны быть избранниками церковного народа... совестью его и его вождями. Если среди верующих должно быть единое сердце, если все должны быть братья и сёстры, жить общей жизнью, общей молитвой, то выборный из такой среды вождь духовный должен быть отцом в высшем смысле этого слова»³⁶. И хотя мысль о выборности отца сама по себе звучала несколько странно, отождествление его с вождём расставляло всё по местам.

Тем самым священнику навязывалась роль подлинного народного трибуна. В феврале 1906 г. С.Н. Булгаков, сочувствовавший «Братству», размышлял о положении пастырей: «Ведь представьте себе, что священник служит в фабричном приходе, кругом говорят о стачках, кассах, рабочих организациях, он без всякого труда мог бы стать духовным центром рабочих организаций, но он не имеет понятия о капиталистическом строе, о рабочем вопросе, в его духовном обиходе имеется всего несколько общих формул, которые он не умеет связать с жизнью. В результате происходит расхищение паствы. Ещё более беспомощно положение сельского священника. Вот подходят выборы в Государственную думу, которые станут обычным явлением жизни страны, повторяющимся через каждые несколько лет. Как бы сами представители духовенства ни отнеслись к участию в выборах, несомненно, им предстоит подавать советы крестьянам, быть экспертами по политическим вопросам, — иначе и здесь будет происходить тоже расхищение, что и в городах — но что же знают эти эксперты, получившие свою подготовку в семинариях, где слово “политика” было самым ужасным, запрещённым, где интерес к политическим вопросам преследовался и карался самым жестоким образом»³⁷. Поэтому ожидалось, что прихожанами будут избраны «лица, обладающие высшим богословским и философским образованием, а вместе и солидными знаниями в области социальных наук», и они «могли бы составить кадр преподавателей общественных наук в средней богословской школе, а вместе с тем, выделить из себя вполне подготовленных, стоящих на высоте времени священников, которые так необходимы для воссоздания приходской жизни»³⁸.

Согласно данной логике, и канонические реформы Церкви признавались возможными только после политических преобразований в стране. Пока же «дело организации собора находится в руках старомодной бюрократической канцелярии, которая называется синодом, где живёт дух “великого инквизитора”, одного из злейших поработителей Русской Церкви. Опасность *подделки* собора велика, под именем собора можно собрать и съезд чёрных бюрократов, которые привыкли действовать по бюрократическому камертону. В общечерковном сознании выяснилось с совершенной бесспорностью, что собор дол-

³⁴ Свенцицкий В. Ответ П.П. Кудрявцеву // Там же. С. 409–410.

³⁵ Свенцицкий В.П. Христианское братство борьбы и его программа [январь 1906 г.] // Там же. С. 58–59.

³⁶ Свенцицкий В. Ответ на письмо Г. Ветрова к С.Н. Булгакову // Там же. С. 415.

³⁷ Цит. по: Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): исследования, материалы, указатели. М., 2017. С. 115–116. См. также: Булгаков С. О необходимости введения общественных наук в программу духовной школы // Богословский вестник. 1906. № 2. С. 345–356.

³⁸ Колеров М.А. От марксизма к идеализму... С. 122.

жен состоять из представителей как белого и чёрного духовенства, так и мирян, и всякие ограничения здесь поведут кискажениям. Освобождающейся Церкви нужно будет, прежде всего, расправить отёкшие от вековых оков члены и восстановить правильное устройство... и возвращение ей нормального для неё соборного строя. Далеко не всем известно, что принцип нормальной организации Церкви есть самая подлинная и последовательная демократия, основанная на выборности решительно всех членов как клира, так и церковной администрации... Церковный собор может быть созван не раньше и не одновременно с созывом народных представителей, но после него, т.е. после того, как они установят *habeas corpus* (неприкосновенность личности. — Ф.Г.) как незыблемое право русских граждан. Ибо с правовой точки зрения церковная свобода есть один из элементов *habeas corpus* и не может существовать при всеобщем бесправии в полицейском государстве»³⁹. Польского публициста и католического модерниста М.Э. Здзеховского Булгаков 17 февраля 1906 г. уверял в том, что «за совершенно единичными исключениями (например, Кирион⁴⁰), наш епископат отличается пороками бюрократического властолюбия, и этим определяется и его позиция, занятая относительно участия мирян в соборе». Сергею Николаевичу казалось, что «отрицать это право, стоя на почве даже самой консервативной церковной ортодоксии православия, невозможно, но епископат в целом стремится свести влияние мирян к нулю, наделив их “совещательным” (?) голосом»⁴¹.

Разочарование в духовенстве. Попытки радикальной общественности втянуть духовенство в откровенно революционные акции в целом закончились безрезультатно. 10 октября 1905 г., во время Всероссийской политической стачки, Карташёв с явной досадой поведал Д.С. Мережковскому о своих переговорах с лидерами «движения 32-х» об организации совместного протестного митинга: «Был я у Аггеева. Предлагал. Не только не “зажглись”, но без стыда замяли вопрос, как будто удивляясь моей наивности. Наполовину искренне не понимают, наполовину пугаются, как благонамеренные чиновники. Сначала был один Аггеев. На моё предложение, ясное и довольно пространное, он сделал большие глаза, отвёл их в сторону, протянул: “мм...” и занял меня другим разговором. Я почувствовал, что он в данную минуту не вверяется мне, потому что накануне видел меня с Вами. Через 5 минут явились Григорий Петров и Егоров⁴² — с азартом рассказывают о своём участии в последних событиях “духовного ведомства”. Я всё-таки снова предложил проект митинга. Поддакнул один Григорий Петров, да и то с издевательским почти добавлением: “Конечно, можно высказаться на пастырском собрании и пригласить туда даже светских лиц, например Антона Владимира Аксакова, преподавателя семинарии...”. Это говорил тот Григорий Петров, который в “Русском слове” громит священников за “поповство”. Все они только “попы”. На этих днях у них интереснейшие со-

³⁹ Цит. по: Колеров М.А. Археология русского политического идеализма... С. 256–257. См. также: Булгаков С.Н. О церковном соборе // Киевские отклики. 1906. 6(19) января. № 6. С. 2.

⁴⁰ Имелся в виду Кирион (Садзаглишвили), в 1904–1906 гг. — епископ Орловский, а с февраля 1906 г. — Сухумский. В 1917 г. он возглавил самочинную грузинскую автокефалию, но уже в 1918 г. был убит.

⁴¹ «...Между нами не может быть ни малейшего спора...». Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / Публ. И.В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 108–109.

⁴² Священник Иоанн Егоров (1872–1921), в 1903–1908 гг. — законоучитель в Смольном институте благородных девиц. После 1917 г. самостоятельно проводил богослужебные эксперименты.

брания и рефераты по духовно-академическому вопросу. Общее собрание разрешено даже митрополитом (во вторник или среду). Больше им ничего не надо. Они чувствуют себя героями, занимаясь своими делишками, и воображают, что этот их домашний “бунт” есть бунт общероссийский и что больше с них ничего не требуется. Нечего и надеяться на быстрое собрание митинга, нужно договориться с этими колодами. Поджигать их с разных концов»⁴³.

Со своей стороны, священник Аггеев не сомневался в том, что «Карташёв человек безусловно верующий во Христа и в Церковь»⁴⁴. Но настроен иерей был гораздо более оптимистично. 7 декабря 1905 г. он сообщал П.П. Кудрявцеву, что «отец Соллертинский организует митинги всего петербургского духовенства»: «Меня зачислили в организационное бюро... и заранее в число ораторов. И раскачу же я наших проповедников! Они открывают против меня чуть ли не кампанию. Ни ѹотов нет у меня страха... Никифоровский, член консистории и мой духовник, ещё сильнее поддерживает: “Ведь вы только и работаете за нас. Разве мы этого не видим!”»⁴⁵.

После Манифеста 17 октября 1905 г. события стали развиваться быстрее. На одном из первых заседаний кадетского ЦК 13 ноября 1905 г. кн. Е.Н. Трубецкой рассказал про «совещание в Киеве с духовенством»: «Священники после беседы с Трубецким и Булгаковым просветлели. Могущ[ественный] орган пропаганды. Священники – реальные политики. Надо иметь орудие для борьбы с радикалами на случай крика: долой попов. На крест[ьянском] союзе б[ыл] поп, высказавшийся за террор. Для них нужно не это – нужна аграр[ная] программа; нек[ото]рым аграр[ная] программа показалась слишком умеренной. Царский сан не признают непререкаемо священным. Форма пр[авл]ения безразлична. Нужно освоб[одить] от бюрократии, необходима перестройка Ц[еркви] на демократич[еских] началах»⁴⁶. Кстати, в либеральном «Московском еженедельнике» с Трубецким сотрудничал и о. Аггеев, ставший размещать наиболее резонансные статьи именно в светской прессе. «Там, – полагал он, – хоть интеллигенция прочтёт... А наших не прошибёшь. У них одно: “Потише! Зачем резкости?”»⁴⁷.

Впрочем, социалисты признавали такую активность совершенно недостаточной. В начале 1907 г. в Синоде рассматривалось дело священника Г. Петрова, обвинявшегося в политической пропаганде под видом проповеди. Но он тогда же стал депутатом Думы, и архиереи ограничились тем, что запретили его до исправления в служении и предписали ему временно исполнять обязанности простого чтеца на клиросе. «Теперь Петров является мучеником-триумфатором», – отметил в дневнике епископ Арсений (Стадницкий)⁴⁸. Однако единомышленники Свенцицкого полагали, что «священник Г. Петров – не мученик, и с этой точки зрения судьба его не заслуживала бы такого широкого ежедневного обсуждения,

⁴³ Взыскиющие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Антология / Сост. В.И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. Кн. 3. М., 2020. С. 363–364.

⁴⁴ Балакшина Ю.В. Братство ревнителей... С. 356–357.

⁴⁵ Там же. Протоиерей Сергей Соллертинский (1846–1920), профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

⁴⁶ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Сост. Д.Б. Павлов. Т. 1. М., 1994. С. 37.

⁴⁷ Балакшина Ю.В. Братство ревнителей... С. 371.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 550, оп. 1, д. 515, л. 99.

как это делается теперь». По их мнению, «гонения, которым подвергнут он, совершенно бледнеют не только перед страдальцами, по пятидесяти лет томившимися в наших православных монастырских тюрьмах за свою веру, но даже перед массой безвестных провинциальных пастырей, которые за последнее время подвергались со стороны духовной администрации и высылкам, и заточениям, и лишению сана». При этом Свенцицкий напоминал про «судьбу замечательного священника в Тифлисе Ионы Брихничёва, всенародно спрашивавшего “Христиане ли цари?”, который больной был брошен в тюрьму и лишен сана». Разумеется, напрашивался вывод о том, что «“клиросное послушание”, по сравнению со всеми этими фактами, — не наказание, а милость»⁴⁹.

По сути, расхождения между Свенцицким и Петровым имели партийную подоплётку: «Понятно, конечно, почему газеты, чужды религиозных вопросов, преследующие исключительно политические цели, остановились именно на “деле священника Петрова”. Священник Г. Петров популярен, его знают, читают и любят, и несправедливость в отношении его, незаслуженное преследование, хотя бы самое незначительное, легче и шире, чем судьба какого-либо другого пастыря, могло усилить в широких массах оппозиционное настроение... Все, кто внимательно и религиозно относится к деятельности священника Петрова, согласятся, что автор “Евангелия как основы жизни” и тот же автор фельетонов в “Русском слове” последних лет — нечто совершенно различное. Подлинное религиозное чувство, которое волновало и будило в первый период деятельности священника Петрова, сменилось газетными фельетонами, которые имели значение только потому, что под ними была подпись священника, которые обращали на себя внимание только своей либеральной, политической стороной, как контраст с теми черносотенными пастырскими писаниями, к которым привык русский читатель. Петров-пастырь стал Петровым-фельетонистом»⁵⁰.

В октябре 1906 г. группа Мережковского вновь попыталась привлечь духовенство к организации митингов. Мережковский выпустил взвывание к Церкви, направленное против синодальных властей и самодержавия⁵¹. Д. В. Философов тогда же упрекал «либеральных священников» в стремлении примкнуть к революционной стихии из конъюнктурных соображений. Если до начала революции «они мирились и с Синодом, и с самовластной бюрократией, и с чем угодно», то «как только начались “кровавые акты”, так “рыдающий звон бюрократических цепей” (их выражение) стал для них нестерпим, и они поспешили за “колесницей”». Им приписывалось намерение воспользоваться плодами чужих усилий: «Пусть “безбожники” обновляют, погрязают в “кровавых актах”, а мы придём на готовенько, на чистенько и начнём “примирять”... непримиримое»⁵².

В мае 1907 г. в ходе развязавшейся полемики Философов ещё разче обвинил «обновленцев» в том, что, бунтуя против самодержавия и епископата, они оста-

⁴⁹ Свенцицкий В. Несколько слов о деле о. Г. Петрова // Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Т. 2. С. 419. О революционной пропаганде священника Ионы Брихничёва (1879–1968) см. также: Эрн В. Пастырь нового типа. М., 1907. После 1917 г. Брихничёв стал коммунистом и активно участвовал в антирелигиозной борьбе.

⁵⁰ Свенцицкий В. Несколько слов о деле о. Г. Петрова. С. 419–420.

⁵¹ Фирсов С. Л. Русская Церковь... С. 338.

⁵² Философов Д. В. Слова и жизнь: литературные споры новейшего времени (1901–1908). СПб., 1909. С. 184.

вались верны церковному вероучению, «как будто славянофилы и Достоевский связывали самодержавие с православием случайно, как будто Серафим Саровский, ушедший в пустыню и глубоко презиравший всякую общественность, или Иоанн Кронштадтский, освящавший знамёна истинно русских людей, — опять и опять явления случайные, не связанные с самыми корнями православия?». Именно православное вероучение, по мнению публициста, требовало изменения, поскольку «вся его метафизика настолько противоречит идеи освободительного движения, что членам Церкви или надо уйти из неё, или честно принять те выводы, которые вытекают из церковной метафизики. Компромиссов тут быть не может, и, признаться сказать, надо слишком мало уважать православие, не вникать в его сущность, чтобы требовать от него сочувствия народным социалистам. Пусть нам докажут, что последовательный социализм или хотя бы даже “kadetizm” совместимы с православием, и тогда не только “братство церковного обновления”, но и более радикальный “христианский союз” (С. Булгакова, Эрна, Свенцицкого и др.) будут иметь почву под ногами, найдут целостное миро-сознание, приобретут единство действий»⁵³.

На данный выпад Свенцицкий отвечал: «Очевидно, дело здесь не в том, что обновленцы объявляют себя кадетами, а мы — социалистами, а в том, что и у тех, и у других, по г. Философу, политика органически не связана с религией, общественность внорелигиозна, так как не может иная общественность, кроме самодержавной, действительно, а не внешне стать христианской общественностью». При этом публицист отказывался «защищать “Братство ревнителей”», констатировав, что «в оценке его деятельности у нас с г. Философовым много точек соприкосновения»: «Из других мотивов, но я также утверждаю, что это не более и не менее как “профессиональный союз”; что не нужно преувеличивать религиозного его значения, что либеральное христианство — “полуистина”, что либеральный священник — не апостол новой, грядущей Церкви, но в лучшем случае искренний член Партии народной свободы»⁵⁴.

Вместе с тем Свенцицкий видел «самый спорный пункт, разделяющий нас от Д. В. Философова и других, не в том, что они учат о новом религиозном сознании, о Церкви трёх, о новых мистических процессах, а в том, что начать новую религиозную жизнь, войти в Церковь Троицы можно, по их мнению, только порвав с православием, не в смысле идейных, политических разногласий с ним, а в смысле живого общения в таинствах. И я утверждаю, что нигде во всём написанном Д. В. Философовым, Д. С. Мережковским и др. нет ни одного слова в подтверждение необходимости этого разрыва. И мне самым искренним образом кажется, что такое требование разрыва никогда и не будет ими логически обосновано, ибо оно совершенно иной природы, иррационально. Г-н Философ может это стихийное отталкивание от Церкви считать признаком близости новых откровений, первыми лучами нового солнца, я же жду новых откровений там, у пречистой Его Чаши»⁵⁵. Но, несмотря на это, союз с Мережковским представлялся ему вполне допустимым.

Размежевание. В период деятельности II Думы Булгаков 27 мая 1907 г. признавался А. С. Глинке: «Очень меня огорчают думские политические попы и вся история их, зато я утешаюсь церковностью епископа Евлогия». Философ

⁵³ Философ Д. В. Церковь и революция // Век. 1907. 13 мая. № 18.

⁵⁴ Свенцицкий В. Несколько слов о деле о. Г. Петрова. С. 423.

⁵⁵ Свенцицкий В. О новом религиозном сознании // Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Т. 2. С. 425–426. См. также: Там же. С. 427–432, 436–455.

не скрывал значительную трансформацию своей позиции: «“Реформировать” Церковь я уже не собираюсь, я хотел бы быть в законодательстве лишь пономарём, чистить стёкла, мести пол, – да и вообще – говорю и не только о себе – нельзя вымогать чуда, нельзя ставить условия Богу, а это делается»⁵⁶.

Подобная эволюция вела к полному расхождению с кружком Мережковского, а тот, в свою очередь писал о Булгакове и Н.А. Бердяеве: «У наших реформаторов старая нерелигиозная общественность; если они пойдут до конца в идеях своих, то одно из двух: или отрекутся от всякой общественности во имя отвлечённого аскетизма, монашеского неделания, или признают христианскую реакционную общественность, новое, более совершенное порабощение Церкви государству, как это и сделал Лютер, величайший из всех реформаторов. Диалектика идей беспощадна»⁵⁷. Мережковский окончательно сделал ставку на «революционное христовство». Ему казалось, что «избранные есть уже и теперь», и «это все, “настоящего града не имеющие, грядущего града взыскиющие”, все мученики революционного и религиозного движения в России». Он ожидал, что «когда эти два движения сольются в одно, тогда Россия выйдет из православной церкви и самодержавного царства во Вселенскую Церковь Единого Первосвященника и во Вселенское царство Единого Царя – Христа. Тогда скажет весь русский народ вместе со своими избранными: *Да придет царствие Твое!*»⁵⁸. В апреле 1908 г., в Великую субботу, прошла первая «литургия» Мережковских⁵⁹. Излагая в дневнике своё отношение к Церкви, Гиппиус уверяла: «Мы внутренно не отходим от неё, и наша литургия – вся церковна, кроме священства. У нас трое – равны»⁶⁰. Но уже в конце 1908 г. на заседании Петербургского религиозно-философского общества Философову пришлось признать: «Интеллигенты проглядели значение Церкви, оттого всё и не удалось. Интеллигенты не знают, что такое Церковь. Думали, что батюшка – это что-то несерёзное»⁶¹.

Таким образом, возникшие в начале Первой русской революции у радикальной общественности надежды на бунтующее против самодержавия и синодального начальства духовенство не оправдались. Гапон остался своего рода «белой вороной», хотя и очень заметной. Блоковский образ Христа в «белом венчике из роз» во главе отряда красногвардейцев взялся не только из поэтического воображения. Но если революционно настроенные пастыри, тянувшиеся к интеллигенции, лишились сана (Г. Гапон, Г. Петров), то многие революционно настроенные интеллигенты, напротив, позднее его принимали и, оставаясь интеллигентами, становились священниками (Свенцицкий, Флоренский, Булгаков). Безусловно, это сопровождалось трансформацией политических взглядов в консервативном направлении. Но пафос идейной борьбы никуда не уходил.

⁵⁶ Взыскивающие Града... Кн. 4. М., 2022. С. 259–260.

⁵⁷ Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Мережковский Д.С. В тихом омуте. М., 1991. С. 92–93.

⁵⁸ Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Сборник / Под ред. М.А. Колерова. М., 1999. С. 194.

⁵⁹ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 8. С. 108–109.

⁶⁰ Цит. по: Взыскивающие Града... Кн. 4. С. 614.

⁶¹ Пришивин М.М. Ранний дневник 1905–1913 / Публ. Л.А. Рязановой и Я.З. Гришиной. СПб., 2007. С. 192.